DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.1>

УДК 1(=161.1)(0.91)

ББК 87.5

ФИЛОСОФИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Наталья Владимировна Волохова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии,
Юго-Западный государственный университет
volna-sha@rambler.ru
ул. 50 лет Октября, 94, 305040 г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается анализ антропологических представлений в творчестве великого русского писателя. Человек в представлении Толстого – двойственное существо, располагающее «разумным сознанием» («сознание жизни»), направленным внутрь на духовное, и «разумом», постигающим закономерности внешнего мира – природного и социального. Единство духовного и плотского для него – единство противоположностей. Этот подход полностью иллюстрирует и самого Толстого, с его уникальной по амбивалентности психикой и жизнью души, наложивших свой отпечаток на всю жизнедеятельность.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, этика, эстетика, антропология, разум, сознание, свобода, самосовершенствование.

Когда человек не одинок, он ощущает присутствие другого и создает эстетическую дистанцию, ему надо украшать себя, чтобы нравиться другому. Себе же каждый человек и так дан полностью. Одиноким не эстет. Он этик.

Ф.И. Гиренок «Фигуры и складки»

Лев Толстой полон противоречий. Его взгляды, его творчество, его учение, его жизнь состоят из противоположного. Почти каждый исследователь рассматривает позицию Толстого-художника и Толстого-писателя, противоположность взглядов Толстого молодого и

Толстого зрелого, Толстой – провидец будущего и Толстой – патриархальный и т. д. Это просто разные ипостаси его личности. Толстой представляет собой вечную антиномию. У него есть дом в Хамовниках, а он часто повторяет, что чувствует себя бездомным. Он – владелец яснополянской усадьбы, а на жизнь хочет зарабатывать как крестьянин или сапожник. Всегда тяготел к оседлости, а умер в дороге, как кочевник. Хорошо об этом скажет его критик Н. Страхов в своем письме к писателю: «Ваш главный недостаток в том, что вы живете чувством настоящего дня, вы все

готовы отвергнуть кроме этого чувства, и вы забываете то, что, чем прежде жили с таким же увлечением...» [17, с. 286]. Это сформировало уникальную по амбивалентности психику и жизнь души, наложившую свой отпечаток на всю его деятельность.

Есть все основания предполагать, что основной духовной апорией Толстого, детерминирующей как его интеллектуальные решения, так и всю психологию его жизнедеятельности, был вполне традиционный для классического моралиста конфликт между эмпирическим и рационально-рассудочным составами человека, трансформировавшийся во вполне одиозное противоречие между телесным (плотским) и духовным [11]. Вряд ли можно назвать хотя бы одного крупного религиозного философа в России, который не использовал бы аргументы антиномического дискурса в своем творчестве. С.Л. Франк говорил о неизбежном антиномизме всякого отвлеченного мышления, раздробляющего живое единство существо на сумму отдельных элементов; упоминал о необходимости «дополнения логического анализа эстетическим синтезом». «Непостижимое», трансцендентное, по С.Л. Франку, дается человеку в форме антиномического познания. Получила распространение точка зрения «саморефлексии», согласно которой русское самосознание изначально антиномично, причем синтез, как правило, не «удаётся». Например, согласно Г.П. Флоровскому, в основе трагизма русской истории лежит непреодолимое «культурное расщепление народа» [7, с. 85–86]. Е.Н. Трубецкой считал, что поиск единой правды для русского самосознания всегда являлся определяющим, причем преодолеть антиномию «высшего» и «другого» нельзя, потому что это – антиномия – вовсе не только логическая, но и жизненная. Вся жизнь охвачена этим противоречием, которое лежит в основе всех бесконечных страданий и неудач, ибо вся жизнь есть стремление к всеединству, то есть в одно и то же время и утверждение всеединства, и совершенно реальное, мучительное ощущение его отсутствия. [18, с. 36].

Человек в представлении Толстого – двойственное существо, располагающее «разумным сознанием» («сознание жизни»), направленным внутрь на духовное, и «разумом»,

постигающим закономерности внешнего мира – природного и социального. Единство духовного и плотского для него – единство противоположностей. Духовное начало в человеке – это сознание своей внутренней свободы, субстанция, объединяющая с другими людьми и тем самым преодолевающая временную и пространственную «ограниченность». Телесное же начало означает его зависимость от внешнего мира, предельно выражается в обособленности индивидуального существования. «Ищи причину зла, от которого ты страдаешь, в себе. Иногда это зло непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него – в изменении твоей деятельности» [13, с. 322]. Если этому изречению придать несколько ироничный характер, то вспоминаются слова Вашингтона Ирвинга, который как-то заметил, что есть определенное освобождение в изменении, даже если это изменение от плохого к худшему. Как он обнаружил, путешествуя в почтовой карете, что часто бывает удобно переменить позу и колотиться другим местом.

Поэтому духовное обновление личности является одной из центральных тем Толстого позднего периода (например, последний роман «Воскресение»). Если перенести толстовский анализ духовной революции Нехлюдова на самого автора, то мы увидим много схожего. Ему также в высшей степени была свойственна склонность к резким переменам; он пробовал себя на разных поприщах. Не трудно догадаться, каков должен быть идеал жизни у человека с таким характером. Восемнадцать лет Толстой пишет в своем дневнике: «...цель жизни есть сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего». Достигнув возраста семидесяти четырех лет, он говорит: «...человек всякий живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность» [14, с. 304]. Не так уж много людей, которым удалось заявить о своей индивидуальности миру, как это удалось Толстому (хотя многие современники, и даже близкие, считали его поведение скорее позерством).

Одиному человеку не нужно украшать себя. Или свой дом. Ему не нужно нравиться

другому. Показывать себя с хорошей стороны – лицемерить. Он живет в несимулятивном пространстве подлинного. В этом пространстве нет причин для эстетизации. Для того, чтобы возникла эстетическая дистанция. Ибо она определяется присутствием другого. А его-то как раз и нет [5, с. 80].

Почему Толстому было сложно проявлять свои этические воззрения в жизнь и они постоянно наталкивались на противодействие семьи, в частности, Софьи Андреевны. Парадоксально, чем ближе он подвигался к истине, тем более чувствовал себя одиноким. Чем ближе становился к себе самому, тем дальше от семьи. «Левочка все работает, как он выражается. Но увы! Он пишет какие-то религиозные рассуждения, читает и думает до головных болей, и все это, чтоб показать, как церковь не сообразна с учением Евангелия... я одного желаю, чтобы уж он поскорее это кончил и чтоб прошло это, как болезнь», – пишет сестре Софья Андреевна [9, с. 23]. Как это не странно, по свидетельству старшей дочери Татьяны, Лев Николаевич редко говорил с домашними о своих убеждениях; он не только никого не поучал, даже членам семьи не читал наставлений и никому не давал советов. Трудился один над преобразованием своего внутреннего мира, будто воплощая любимые строки: «молчи, скрывайся и таи все мысли и мечты свои», и все чаще это отзывалось болью. «Вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящий «я», презираемо всеми окружающими меня» – пишет он М.А. Энгельгарду [8, с. 38].

Но жил он в пространстве семьи, в окружении большого количества близких, родных и малознакомых людей (как вспоминала дочь Татьяна, «наш дом словно стеклянный»). Когда человек не одинок, он ощущает присутствие другого и создает эстетическую дистанцию, ему надо украшать себя, чтобы нравиться другому. «Себе же каждый человек и так дан полностью. Одиноким не эстет. Он этик» [5, с. 80].

Толстой считал, что люди делятся на тех, кто знает о своем одиночестве и тех, кто не знает. В «Иване Ильиче» автор обращается именно к феномену позднего узнавания своего одиночества. Жизнь героя складыва-

ется вполне удачно, он достигает многого и быстро, и становится настолько уверен в себе, что даже позволяет тон легкого недовольства правительством (что выражается в том, что «Иван Ильич перестал пробивать подбородок и дал свободу бороде расти, где она хочет» – как знак умеренной либеральности). Затем герой вполне удачно женится (правда, вскоре обнаружил у себя затаенную вражду к жене, которая, «во-первых, оказалась ворчливой, а во-вторых, у нее к тому же дурно пахло изо рта»), пошли дети и, надо сказать, жизнь испортилась. «Если уж кому-то привелось жениться, то жизнь надо проводить вне дома, на работе, среди друзей». Иван Ильич так и сделал. Однажды Иван Ильич даже подумал о разводе с женой, но затем «эта мысль куда-то испарилась».

Болезнь пришла к Ивану Ильичу незаметно, тихо, в сорок пять лет, разгораясь день ото дня. Он неожиданно для себя встретился с ней, и с болью, и к нему пришло сознание одиночества. Для позднего Толстого адекватным состоянием человека является, без сомнения, одиночество. Он считает, что только между одинокими возможно настоящее общение, то есть общение душ. Как возникает оно у хозяина и работника в критический момент – в другом его произведении. Одиноким способен воспринимать всю полноту бытия. И к нашему герою приходит эта полнота, но вместе с болью, и поэтому ее, эту полноту, вместить в себя трудно. Для публичного человека нет тишины одиночества, он может лишь уединиться, но никогда не бывает один. Иван Ильич всю жизнь соблюдал приличия, делал вид, обменивался пустыми знаками и жестами вежливости. А вот умирание, по словам Толстого, есть акт неприличный. Смерть антикультурна и некоммуникативна. Она неприятна для общества и, для того, чтобы люди могли быть вместе им нужно лгать, подстраиваясь друг под друга. Ложь можно воспринимать как условие коммуникации, скрытый нерв любой семейной жизни. Лгут все, все притворяются: жена, дети, сослуживцы, доктора, начальники, подчиненные, любовницы – так принято по негласной договоренности. Для сослуживцев смерть Ивана Ильича – это новая вакансия, прибавка к жалованью. Для жены – это возможность получить от госу-

дарства деньги под предлогом смерти мужа. Не лжет только боль и она открывает пустоту одиночества Ивана Ильича.

Вот и душевная боль Толстого, которую он очень остро чувствует в поздний период, пройдя через очищение одиночеством, дает ему возможность чувствовать себя этиком. Мораль не уживается с наличием семьи. Этико-эстетические волнения Толстого изначально антропологичны. «Хочу, чтобы красиво, но при этом правильно только для меня одного» [5, с. 80].

При наличии окружения ты вынужден устраивать шоу для другого, показывать себя с какой-то стороны, где всегда нужно что-то скрыть. Изначально наличие другого заставляет создать изнанку, а Толстого это начинает мучать. (Порыв показать молодой жене свой интимный дневник, а потом ее же обвиняет). На самом деле он просто не угадал меру восприятия другого. Иногда Толстому доставляет эстетическое наслаждение показывать свою аморальность. Но он уже понимает, что его толкает на такие поступки наличие другого. Одиноким может выбрать, полагаясь на свое внутреннее, – на совесть. Не одиноким полагается скорее на всеобщее, что находится во внешнем, в социуме – это право и нравственность. Толстой пытается найти промежуточный вариант – совестливая нравственность, при этом он ополчается на право, которое никак не зависит от твоей воли, а зависит от устройства общества. Это и есть завязка, с которой начинается обостренное отношение Толстого к общественным институтам, неприятие «социальной лжи», откровенного неравенства и несправедливости. Он не нашел возможности быть спокойно одиноким, и при этом в ладу со своей совестью. Он не нашел возможности изменить социальное устройство по принципу объективной нравственности. Возможно отсюда и попытка пресловутого бегства.

Толстой постоянно привязан к идее эстетического. Об этом многие его трактаты последних лет. Что же делает человека существом воспринимающим или отторгающим что-либо? Эстетически вкус. У Канта – это правила выбора, на наш взгляд, точнее сказать, – правила выбора с точки зрения другого. Выбирать же может и одиноким, но он не будет нуждаться в сообщении с другим. А че-

ловек хочет нравиться другому человеку и вызывать восхищение публики, что, в принципе, аморально. Для этого ему нужен вкус, воспитанность и манеры – эстетические проявления своего поведения. А одиноким полагается на совесть, что находится в мире внутреннего, этического. Так кто же более прав, тот, кто слушает свое внутреннее, или тот, кто исполняет внешнее? Что ведет путем совершенствования?

На наш взгляд, здесь следует сделать обязательную ремарку: лишь тогда закон совершенствования будет плодотворен, когда принципом действия выступают самопожертвование, самоотречение как моральная доктрина. Но как только человек решает действовать в соответствии с тем или иным убеждением, он вынужден соотносить свои поступки с общественными нормами. Понятие свободы становится категорией этики: человек осуществляет моральный выбор между добром и злом, между нравственным и безнравственным. Поскольку выбор зависит от самого человека, последний обладает моральной ответственностью. Отсюда интерес к еще одной категории этики – совести, как способности к самооценке совершаемых поступков. Диалектика этого понятия в том, что оно индивидуально личностно, но сформировано общественным сознанием: совесть – совместное знание, ведание. Таким образом, совесть – субъективное осознание своего морального долга и ответственности перед обществом [2, с. 182].

Согласно Толстому, источником установления на земле царства добра и справедливости явится нравственная инициатива, подвижничество отдельных людей. Он считал, что путь духовно-нравственного совершенства человека не имеет завершенности, осуществляясь на протяжении всей жизни. В душе каждого человека возникают вопросы, которые мучили его предшественников – величайших мудрецов мира, его самого, его последователей; волнуют они и нас: как достичь совершенства? Возможно ли воплощение идеала в жизни? Размышляя над этими вопросами, Л.Н. Толстой постоянно осознал всю сложность их решения. В итоге он пришел к выводу: «Важно не быть совершенством, а стремиться к нему» [15, с. 11]. Стремление к совершенству, идеалу, который недостижим, но к

которому надо идти постоянно, он понимал смысл жизни человека. Высокую миссию учителя, воспитателя он видел в оказании помощи ребенку в этом духовном движении.

Жизнь человека пульсирует между пустотой и бессмыслицей. По пути встречаются символы; происходят действия и образуются субъекты действий. Действие несет событие, а смыслы – символичны. Каждый человек – это звено в цепи мирового целого. И поэтому ты таков, каков есть, не потому, что ты этого хочешь, и даже не потому, что умеешь мыслить. А скорее потому, что так провозглашали мировые субстанции. Ведь если дереву дать сознание, то и оно будет считать, что оно свободно растет в соответствии со своей необходимостью. «Свобода, по Толстому, та жизненная сила, которая есть и в человеке, и в камне, и в любом существе или предмете, ибо всем им присущ закон «хотения», но с той лишь разницей, что в человеке она достигает момента самосознания, постигает себя самое, а в неодушевленном предмете она осуществляет себя вслепую. Без сознания свободы человек не захочет жить и истребит себя», – комментирует эту мысль Толстого В.Б. Ремизов [10, с. 97].

Вместе с тем ни в трактатах, ни в письмах, ни в дневниках он не становится на точку зрения волюнтаризма. И в 1890-е гг. им устанавливается предел свободной деятельности человека. Последний не способен предвидеть результаты своих поступков. Сами же поступки, являясь конкретно-жизненным воплощением свободных или несвободных действий личности, вместе с тем, есть уже звенья бесконечной цепи необходимости. «Люди свободны не в поступках, а в том, что вызывает их...» [15, с. 325].

Толстой прожил 82-летнюю жизнь, был крепок здоровьем, судьба уберегла его от пуль горцев и пушечных ядер высадившихся в Крыму французов и англичан, он написал гениальные произведения, ставшие гордостью отечественной и мировой литературы, реализовал себя как писатель и мыслитель, был счастлив в браке, оставив многочисленное потомство. Так в чем же причина его мучений, недовольства собой и жизнью своего круга. Много говорилось и писалось на эту тему, бесчисленное число версий выдвигается и

сейчас. В каждой из них есть доля истины, но полностью и однозначно объяснить внезапное бегство гениального старца из родного гнезда и вполне очевидной смерти, которая заставляет людей в любом месте, невозможно. Его уход и кончина, вызвавшие отклик во многих странах, есть последний аргумент в противостоянии миру, сравнимый по своей значимости со смертью Сократа.

Толстой прошел все ступени тривиума, который составляют филология, философия, богословие. Выступил сначала как литератор, автор трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» и «Севастопольских рассказов», вызвавших интерес читательской публики. В «Войне и мире» и ряде других творений приступает к внедрению в беллетристический или публицистический текст философских идей, главным образом связанных с философией истории. Назначением искусства, критикой современной цивилизации. Параллельно с этим он все более интересуется нравственно-этическими, смысложизненными, важнейшими для человека идеалами. И наступает перелом, о котором Толстой пишет в «Исповеди» и в других своих сочинениях. Подобно Канту, он завершает доктринеский период своего творчества и вступает в критический.

Три компонента – вербальный, метафизический, религиозный – изначально присутствуют в его мировоззрении и творчестве, но на разных этапах они доминируют в следующей последовательности. Сначала превалирует литературное творчество, затем появляется философское углубление в познании общества и человека, а в заключение все затмевает страстная религиозная проповедь, поиски истины веры, очищение христианства от поздних наслоений до первоначальной чистоты и простоты. Разумеется, резко делить этапы развития творческого начала на три четко обозначенных периода не следует. Все происходило более сложным и извилистым путем [6, с. 120].

Жизнь Толстого похожа на подъем по лестнице, ступень за ступенью, в поисках ответов на «жгучие, не дающие жить, мучительные вопросы». Шаги, действия, пробы, ошибки. Но и поражения он использовал как опору, чтобы подниматься и идти дальше и выше. И как пишет И.А. Асеева : «...в качестве кри-

терия индивидуального поведения, как бы энергетического стимулятора жизни, русские мыслители принимают внутренний мир человека, его душу, совесть, моральные принципы» [1, с. 65].

Всякое Я человека хочет любить, радоваться, печалиться. Может сам человек любить другого, а может природа в человеке себя любит. Человек рожден понять это, а знание приходит через действие. Действия могут быть разные и плох не сам человек, ужасен мировой порядок. Его следует менять, мир должен стать лучше, но для этого требуется серия поступков человека. «Разве я ем и пью только для того, чтобы потом опять чувствовать голод и жажду, и снова есть и пить, пока...не поглотит меня могила...». Фихте грезит о мире без тяжелой работы, без войн, бурь и катаклизмов [4, с. 87].

Мысль Толстого тоже обращается к этим антропологическим составляющим. Он выделяет четыре распространенных понимания смысла жизни, в которых люди ищут выход из жизненных ситуаций: неведение; эпикурейство; сила и энергия (это доступно только тем, кто способен встать на путь борьбы); слабость (ее избирают люди, помирившиеся с обманом, в котором живут). Все эти позиции он считает иллюзорными следствиями рассудочного вывода. Разум охватывает отношения между «я» и «не-я». Но человек, помимо разума, обладает и неким внутренним «сознанием жизни». Ответ на вопрос о смысле жизни, как писал Л.Н. Толстой, «включает в себя требование объяснения конечного бесконечным», то есть претендует на то, чтобы смысловые искания человека обосновывались не суетно – преходящей необходимостью его общежитийских устремлений, но чем-то более значительным, высшим и в конечном счете оказывающимся над человеком как некое идеальное «измерение» – будь то онтологическое измерение природы, благоденствие общечеловеческого целого или внутренняя, духовная гармония, обеспечивающая радостное, благодарное принятие мира.

Толстой всю сознательную жизнь пытается решить загадку конечного. В период своего сильнейшего духовного кризиса, говорит о том, что люди во многом живут как слепцы. Жизнь, подобно «салазкам» катит их в про-

пасть. А они дорогой, в своих салазках «спорят и ссорятся о том, что один другому не дает усестись попокойнее и пачкает его одежду!» [14, с. 304]. Может быть страх смерти происходит с ним из-за раннего столкновения с ней (смерть матери, отца, братьев). Почти в каждом его произведении – художественном, философском, публицистическом обязательно встретишь размышления об этом. Самое любопытное, на мой взгляд, следующее:

«...Верить же в уничтожение своей жизни, потому, что уничтожается тело, все равно, что верить в то, что уничтожение тени предмета, после вступления предмета в сплошной свет, есть верный признак уничтожения самого предмета... уничтожение тени пространственных и временных условий, есть только признак большей степени света...» [16, с. 106].

Сам Толстой ни на минуту не выпускает себя из поля своего зрения. Его изощренный психологизм не что иное, как следствие постоянного выслеживания себя, охоты за своей личностью. Хорошо известно, что в «Исповеди» писатель реконструировал и описал свою жизнь как отчаянную борьбу в поисках смысла. Но «внутренняя потребность», приведшая его почти на грань самоубийства, кратко выражена им в вопросе: «Есть ли смысл в моей жизни, который не исчез бы после моей неизбежной и ожидаемой смерти?». То, что этот вопрос «внутреннего опыта» возник у Толстого в прямой борьбе с собственной смертью, которая во время путешествия («арзамасский страх») овладела им и более его не отпускала, неоднократно отмечалось и им самим и исследователями его творчества. «Я не буду искать объяснение всего. Я знаю, что объяснение всего должно скрываться, как начало всего в бесконечности. Но я хочу понять так, чтобы... все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования моего ума неправильны... но потому, что я вижу пределы моего ума» [12, с. 109].

Можно по-разному относиться к Толстому, любить его как писателя и не признавать как мыслителя (часто сталкиваюсь с такой позицией), считать его взгляды несоотнесены с его реальной жизнью, в принципе не признавать его философии и т. д. Но есть очень правильное, на наш взгляд, высказывание ученика Л. Витгитштейна Георга ван Вриг-

та: «...все, что говорит Толстой, имеет второстепенное значение по сравнению с его способностью привести в движение наши мысли, пробудить сомнения и заставить выбрать позицию» [3, с. 108].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеева, И. А. Проблема будущего и судьбы России в русской философии на рубеже XIX–XX вв. / И. А. Асеева // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 317. – С. 65–71.
2. Волохова, Н. В. Л.Н. Толстой о роли искусства в формировании общества и человека / Н. В. Волохова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 4 (43). – С. 181–187.
3. Вригт, Г. Ф. Три мыслителя (Русистика в мире) / Г. Ф. Вригт. – СПб. : Русский Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. – 256 с.
4. Вышеславцев, Б. Этика Фихте / Б. Вышеславцев. – М. : Печатня А. Снегиревой, 1914. – 228 с.
5. Гиренок, Ф. И. Фигуры и складки / Ф. И. Гиренок. – М. : Академический Проект, 2013. – 243 с.
6. Громов, М. Н. Драма жизни и мысли Льва Толстого / М. Н. Громов // Л.Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. Материалы Международного Толстовского форума, посвященного 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого (20–25 ноября 2010 г.). – М. : Гос. музей Л.Н. Толстого, 2011. – Ч. 2. – С. 118–123.
7. Климова, С. М. Антиномизм как образ эпохи (Л.Н. Толстой и П. Флоренский) / С. М. Климова // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие Флоровского и современность. – М. : Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – С. 85–91.
8. Короткова, О. А. «Я очень люблю истину» / О. А. Короткова // Человек без границ. – 2009. – № 6. – С. 34–41.
9. Попов, П. С. С.А. Толстая и ее письма / П. С. Попов. – М. ; Л. – Academia, 1936. – 597 с.
10. Ремизов, В. Б. Свобода воли и проблема «воскресения» личности в философско-этических исканиях Л.Н. Толстого 1890-х годов / В. Б. Ремизов // Концепции человека в русской литературе. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – С. 96–107.
11. Соина, О. С. Загадки моралистической антропологии Л. Толстого / О. С. Соина // Ориентация. Общественно-политический журнал. – 2011 – № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cultoboz.ru/-lr/59—5/348-2011-07-10-12-28-55> (Дата обращения: 27.02.2015). – Загл. с экрана.
12. Толстой, Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? / Л. Н. Толстой. – Л. : Худож. лит., 1991. – 213 с.

13. Толстой, Л. Н. Круг чтения. Об истине, жизни и поведении / Л. Н. Толстой. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 1080 с.

14. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Гослитиздат, 1928–1958. – Т. 65. – 373 с.

15. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Гослитиздат, 1928–1958. – Т. 17. – 757 с.

16. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Гослитиздат, 1928–1958. – Т. 66. – 532 с.

17. Толстой, Л. Н. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. / Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов. – СПб. : Общ-во Толстовского музея, 1914. – Т. 2. – 458 с.

18. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М. : Республика, 1994. – 400 с.

REFERENCES

1. Aseeva I.A. Problema budushchego i sudby Rossii v russkoy filosofii na rubezhe XIX-XX vv. [The Problem of the Future and the Destiny of Russia in Russian Philosophy at the Turn of the 19th-20th Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 317, pp. 65-71.
2. Volokhova N.V. L.N. Tolstoy o roli iskusstva v formirovani obshchestva i cheloveka [L. N. Tolstoy's Ideas on the Role of Art in Shaping Society and Humankind]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4(43), pp. 181-187.
3. Vright G.F. *Tri myslitelya (Rusistika v mire)* [Three Thinkers (Russian Studies in the World)]. Saint Petersburg, Russkiy Baltiyskiy informatsionnyy tsentr "BLITS", 2000. 256 p.
4. Vysheslavtsev B. *Etika Fikhte* [Ethics of Fichte]. Moscow, Pechatnya A. Snegirevoy, 1914. 228 p.
5. Girenok F.I. *Figury i sklady* [Shapes and Folds]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 243 p.
6. Gromov M.N. Drama zhizni i mysli Lva Tolstogo [The Drama of Life and Thoughts of Leo Tolstoy]. Remizov V.B., ed. *L.N. Tolstoy v dvizhenii epokh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty naslediya myslitelya i khudozhnika. Materialy Mezhdunarodnogo Tolstovskogo foruma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya smerti L.N. Tolstogo (20-25 noyabrya 2010 g.)* [L. N. Tolstoy in the Motion of Ages: Philosophical, Religious and Moral Aspects of the Heritage of Thinker and Artist. Proceedings of the International Tolstoy Forum, Dedicated to the 100th Death Anniversary of L.N. Tolstoy (November 20-25, 2010)]. Moscow, Gos. muzey L.N. Tolstogo, 2011, Part 2, pp. 118-123.

7. Klimova S.M. Antinomizm kak obraz epokhi (L.N. Tolstoy i P. Florenskiy) [Antinomianism as the Image of Epoch (L.N. Tolstoy and P. Florensky)]. *Na puti k sinteticheskomu edinstvu evropeyskoy kultury. Filosofsko-bogoslovskoe nasledie Florovskogo i sovremennost* [Towards a Synthetic Unity of European Culture. P. Florensky's Philosophical and Theological Legacy, and Modernity]. Moscow, Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2006, pp. 85-91.

8. Korotkova O.A. "Ya ochen lyublyu istinu" ["I Love the Truth Very Much"]. *Chelovek bez granits*, 2009, no. 6, pp. 34-41.

9. Popov P.S. *S.A. Tolstaya i ee pisma* [S.A. Tolstaya and Her Letters]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936. 597 p.

10. Remizov V. B. Svoboda voli i problema "voskreseniya" lichnosti v filosofsko-eticheskikh iskaniyakh L.N. Tolstogo 1890-kh godov [Free Will and the Problem of "Resurrection" of the Individual in Philosophical and Ethical Strivings of L.N. Tolstoy in the 1890s]. *Kontseptsii cheloveka v russkoy literature* [Conceptions of a Human in Russian Literature]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1992, pp. 96-107.

11. Soina O.S. Zagadki moralisticheskoy antropologii L. Tolstogo [Riddles of Moralistic

Anthropology of L. Tolstoy]. *Orientatsiya. Obschestvenno-politicheskiy zhurnal*, 2011, no. 5. Available at: <http://www.cultoboz.ru/-lr/59—5/348-2011-07-10-12-28-55>. (accessed February 27, 2015).

12. Tolstoy L.N. *Ispoved. V chem moya vera?* [Confession. What is My Faith?]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 213 p.

13. Tolstoy L.N. *Krug chteniya. Ob istine, zhizni i povedenii* [The Reading Circle. On Truth, Life and Behavior]. Moscow, EKSMO-Press, 1998. 1080 p.

14. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: V 90 t.* [Complete Collection of Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1928-1958, vol. 65. 373 p.

15. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: V 90 t.* [Complete Collection of Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1928-1958, vol. 17. 757 p.

16. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: V 90 t.* [Complete Collection of Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1928-1958, vol. 66. 532 p.

17. Tolstoy L.N., Strakhov N.N. *Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym. 1870-1894* [Correspondence of L.N. Tolstoy With N.N. Strakhov. 1870-1894]. Saint Petersburg, Obshchestvo Tolstovskogo muzeya, 1914, vol. 2. 458 p.

18. Trubetskoy E.N. *Smysl zhizni* [Sense of Life]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 400 p.

THE PHILOSOPHY OF CONTRADICTIONS IN THE LIFE AND WORK OF L.N. TOLSTOY

Natalya Vladimirovna Volokhova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology,
Southwest State University
volna-sha@rambler.ru
50 let Oktyabrya St., 94, 305040 Kursk, Russian Federation

Abstract. The article contains the analysis of anthropological ideas in the works of the great Russian writer Leo Tolstoy. According to him, the source of the establishment on Earth of the kingdom of goodness and justice lies in the moral initiative of selfless individuals. He believed that the path of spiritual and moral perfection is implemented throughout the life. In the pursuit of perfection people have the ideal that is unattainable but to which one must constantly go – thus he understood the meaning of human life. A human in the view of Leo Tolstoy is a dual being, having a "reasonable mind" ("consciousness of life"), directed toward the spiritual, and mind, comprehending the patterns of the outside world – natural and social. The unity of the spiritual and the carnal is the unity of opposites. This approach is fully illustrative and very heavy, with a uniquely ambivalent psyche and the life of the soul which has left its imprint on all the vital spheres of the thinker's life. L. Tolstoy's sophisticated psychologism is a consequence of the continuous stalking himself, hunting for his personality. It is well known that in his "Confessions" the writer reconstructed and described his life as a desperate struggle in search of meaning. The life is similar to climbing stairs, step by step, in search of the

answers to “burning painful questions that hinder life”. We, today’s descendants of the writer, differently perceive his legacy, and we can consider his views to be neutral with real life, but the fact that his philosophy can result in the movement of our thoughts, to awaken doubt and get to choose the position –we must recognize this fact.

Key words: L.N. Tolstoy, ethics, aesthetics, anthropology, mind, consciousness, freedom, self-improvement.